

Глава 2. Жених

— Ах ты! Только получила жалованье и давай надо мной подтрунивать? Всё подчистую выиграла! На что мне теперь румяна покупать, на что — масло для волос?

— В мастерской Циндэ не купишь, так в переулке Юэгуи на две коробочки точно хватит. Я же оставила тебе связку монет на развод, — раздался задорный голос Фу Тун.

Фу Тун была миловидна, а когда смеялась, на её щеках проступали очаровательные ямочки, придававшие ей по-детски лукавый вид.

— Ты! — Би Тао, вне себя от притворного возмущения, засучила рукава, собираясь ущипнуть подругу за щеку.

Фу Тун поспешно закрыла лицо руками, моля о пощаде:

— Милая сестрица, ну хорошо, хорошо! Я верну тебе ту связку, купишь свои румяна в мастерской Циндэ.

— Одной связкой не отделаешься! С тебя как минимум лян серебра, мне еще масло нужно, — не унималась Би Тао.

Девушки весело защебетали, их смех колокольчиками рассыпался по галерее.

Жун Цунцзинь слушал эти знакомые, чистые голоса, доносившиеся сквозь узорчатые окна, и на мгновение забылся. В землях Юэ климат был суров и засушлив; Би Тао, последовавшая за ним в изгнание, дважды перенесла тяжелую простуду. Обошлось без последствий, но её голос тогда стал глубже, утратив былую звонкость. Сама она, впрочем, была этим довольна — считала, что такая солидность больше подходит её статусу главной экономки.

Этого смеха он не слышал уже много лет.

— Очнулись, молодой господин? — Би Тао вошла в комнату, отодвинув занавеску. — Выпейте сливового супа, он сегодня особенно хорош, так и веет свежестью.

Жун Цунцзинь приподнялся на постели, не сводя глаз с её сияющего лица. Сердце его глухо билось: он никак не мог сопоставить этот живой, радостный образ с той последней картиной из памяти, где Би Тао, содрогаясь от рыданий, оплакивала его кончину.

Всё произошло слишком стремительно. Еще мгновение назад он был в объятиях Гу Чжао, сквозь пелену забвения чувствуя, как дрожит от горя тело его супруга. А в следующий миг он уже лежал в своей старой спальне, на кровати с резными столбиками, словно всё прожитое

было лишь зыбким, полузабытым сном. Несмотря на то что фантомная боль от яда всё еще, казалось, тлела в костях, он ощущал щемящую тоску, отчаянно цепляясь за воспоминания о тех тихих, теплых годах, что они провели с Гу Чжао в княжеской резиденции.

Вокруг всё оставалось прежним. Служанки улыбались, на его теле не было ни единой раны. Цунцзинь на миг усомнился — не плод ли это его воображения? Но нежность Гу Чжао, их многолетняя привязанность... такое невозможно выдумать.

Он всегда гордился своим острым умом, но сейчас, как ни бился, не мог постичь: как он воскрес? Как вернулся в родной дом?

— Молодой господин? — Би Тао закрепила полог кровати на золотые крючья. Не дождавшись ответа, она обернулась и увидела, что обычно невозмутимый хозяин пристально, почти странно смотрит на неё. Она в замешательстве замерла, коснулась щеки, а затем принялась осматривать свое платье — не случилось ли какого беспорядка.

— Заспался я немного... Который час? — наконец обрел он голос.

— Уже три четверти часа после полудня. Госпожа скоро должна вернуться из Даосского храма Юйцин, — ответила Би Тао, поглядывая на небо за окном.

Цунцзинь вздрогнул, но медленно кивнул. Его мать, живя в столице, неизменно посещала Даосский храм Юйцин по первым и пятнадцатым числам каждого месяца. Позже, когда знатные дамы Ванцзина повадились устраивать там «случайные встречи», ища дружбы с их домом, мать, опасаясь лишних пересудов и политических ловушек, стала уезжать на рассвете, чтобы вернуться к обеду.

Значит, они в столице совсем недавно.

— Сестрица Би Тао, пришло письмо из поместья графа Чжунъюн, — в комнату вбежала маленькая служанка с прической «двойные кольца», неся в руках лаковую шкатулку из пурпурного сандала.

— Должно быть, от молодого господина Жоцзиня. Инь Пин упоминала, что весной они собирались пригласить вас на прогулку на лодках, — Би Тао знаком велела забрать шкатулку, а сама принялась помогать Цунцзиню подняться, привычными ловкими движениями поправляя его венец.

— Пойдете, господин? Я приготовлю тушь, напишите ответ молодому господину Жоцзиню, — с улыбкой предложила она.

— Господин? — Би Тао легонько смахнула невидимую пылинку с его плеча щеткой из лебяжьего пуха. Цунцзинь сидел перед зеркалом, погруженный в молчание. Би Тао,

встревоженная, позвала его снова.

— Я устал. Напиши ответ сама: скажи, что я приду в назначенное время, — проговорил он, глядя на свое отражение как на чужака.

Слова служанки подтвердили его догадки. Он действительно в Ванцзине. У него есть друзья, родители живы и здоровы — это было самое счастливое время в его жизни, совсем иная свобода, чем та, что он познал позже в поместье князя.

— Слушаюсь, — Би Тао почтительно поклонилась.

Она и не подозревала, какая буря бушует в душе её господина. То, что он мог сидеть здесь так спокойно, было лишь заслугой долгого опыта жизни в императорской семье, где маска невозмутимости становится второй кожей.

Би Тао была рядом, но мысли Цунцзиня метались вокруг одного-единственного вопроса, не дававшего ему покоя: что стало с Гу Чжао? Смог ли он добраться до Ванцзина, нашел ли помощь? Теперь, когда его самого нет рядом, сможет ли Би Тао — та, из будущего — позаботиться о нем? Тревога и боль опутывали его, словно липкая паутина.

В порыве раздражения он резко отодвинул руку, и служанка, поднося чай для полоскания рта, вскрикнула — ароматная влага выплеснулась на стол.

— Господин... — испуганная девушка упала на колени, моля о прощении. Би Тао тоже бросила на него осторожный, вопросительный взгляд.

— Ничего, я сам виноват, — Цунцзинь взял себя в руки. Голос его звучал ровно. — Уберите здесь.

После завтрака он устроился в прибрежном павильоне Чэнгуань. Дул легкий ветерок, но на душе было беспокойно. В животе то и дело возникала резкая, колющая боль, словно что-то острое пыталось прорваться наружу, но стоило ему сосредоточиться, как ощущение исчезало без следа.

Однако Цунцзинь знал: это не галлюцинация. Это было реально.

Серебристая рябь дрожала на озерной глади. Добраться до павильона Фуцуй, стоявшего на острове в самом центре озера, можно было только на лодке — идеальное место для уединения. Опершись на перила, он смотрел на отражения плакучих ив; их изумрудные ветви трепетали на ветру, сливаясь с колышущейся лазурью воды.

Раньше он любил проводить здесь часы за книгой. Теперь же память услужливо подсовывала картины прошлого. Его семья, род маркиза Диньюань, всего три поколения назад была лишь

семьей мясников. От безысходности его прадед пошел в армию, где благодаря отваге и хитроумию дослужился до титула графа. Его отец и двое дядей продолжили это дело, защищая границы в Дяньнани.

Несколько лет назад, когда царство Дянь пошло войной на империю, его родные с горсткой воинов удерживали рубежи целый месяц, пока не подоспело подкрепление. Земли Династии Цинь были спасены, но оба его дяди пали в том бою. В знак признания их доблести титул был повышен до маркиза. Слава дома Динъюань гремела на всю страну.

Однако, обосновавшись в Ванцзине, они почувствовали себя чужаками. Столичная аристократия, чьи корни уходили в глубь веков, с презрением смотрела на «выскочек», чьи титулы были замешаны на крови и дорожной пыли.

В Династии Цинь испокон веков ценили ученых мужей и недолюбливали военных. Семья маркиза, где каждый мужчина привык держать меч, а не кисть, вызвала утонченное пренебрежение у знатных родов. В их клане не было ни одного обладателя ученой степени. Сын старшего дяди пять раз проваливал экзамены, и то, что в этом году он имел шансы наконец-то стать «цзюйжэнем», было главной гордостью всего поместья.

Родителям приходилось терпеть вежливое высокомерие и скрытые насмешки столичных снобов. Его мать, женщина прямодушная и веселая, была вынуждена ломать себя, притворяясь чопорной столичной дамой.

В прошлой жизни через месяц, когда скандал в семье Юй станет достоянием общественности, Наследный принц лично явится к ним, чтобы просить руки Цунцзиня для своего младшего брата. Поместье маркиза, только что пережившее позор расторгнутой помолвки, ухватится за это предложение. Так они станут вернейшими союзниками Наследного принца. За три года тот расчистит себе путь к трону, став полновластным владыкой, вершащим судьбы людей.

Дом маркиза Динъюань возвысится, а его брак с Гу Чжао, князем Су, останется лишь незначительным эпизодом в большой игре за власть. Но для самого Цунцзиня этот «эпизод» стал смыслом жизни.

Он смотрел на высокие платаны на берегу, и перед глазами снова вставал Гу Чжао. Вот он бежит к нему, сияя улыбкой, а на кончике его носа блестят капельки пота. В руках он держит щенка и радостно кричит: «Цунцзинь! Давай назовем его Цзисян, а?»

Цунцзинь невольно улыбнулся, но тут же горько покачал головой. То, что он сказал перед смертью, не было лишь словами утешения. Он действительно считал себя холодным и эгоистичным человеком, недостойным такой чистой любви. Но Гу Чжао... Гу Чжао сумел растопить лед в его сердце. В их мире, где браки — это лишь сделки, их союз должен был стать очередной формальностью, но вышло иначе.

Гу Чжао был особенным. Единственным во всем мире.

Длинные, изящные пальцы Цунцзиня перебирали черные, блестящие камни для игры в го. Его рука, белая, почти прозрачная в лучах заходящего солнца, казалась выточенной из нефрита.

«Щелк». Черный камень лег на доску. Дракон заперт.

Отсутствие наследников у императора — беда, но когда их слишком много — головная боль не меньше. Нынешний государь был падок на женскую красоту, и за десятилетия его гарем пополнился красавицами из самых разных кланов. Как итог — более десяти принцев и множество принцесс.

Император старел, силы оставляли его, и борьба за трон становилась всё ожесточеннее. Главные претенденты, первый и второй принцы, погибли несколько лет назад во время Переворота годовщины Цзинчэнь при весьма туманных обстоятельствах. Тогда-то и возвысился третий принц. Он оказался на редкость исполнителен и точен в делах. Будучи сыном императрицы, он получил поддержку двора и законный титул Наследного принца.

Но четвертый и седьмой принцы уже возмужали. Цунцзинь знал: оба они амбициозны и коварны. Наследный принц, окруженный советниками, еще мог им противостоять, но Гу Чжао с его недугом был обречен стать жертвой в этой игре. Даже если бы он был в здравом уме, ему не выстоять против этих волков. В прошлой жизни Цунцзинь надеялся, что после воцарения брата они смогут уехать в свои владения и жить в покое, но вражеская стрела настигла его раньше.

Он признал свою ошибку: слишком расслабился, утратил бдительность. И это едва не погубило Гу Чжао. В этот раз он не допустит подобного.

Гу Чжао и Наследный принц — родные братья. Из-за своего безумия Гу Чжао не мог претендовать на трон, а значит, был естественным союзником брата. Чем крепче власть Наследного принца, тем безопаснее жизнь князя Су. Поместье маркиза Динъюань уже было на этом корабле, и их брак должен был стать последним гвоздем, скрепляющим этот союз. Но в прошлой жизни трон зашатался, и их дом ждала гибель.

Цунцзинь прикрыл глаза, скрывая вспыхнувший в них огонь. Именно поэтому он велел Би Тао везти Гу Чжао в Ванцзин. Что бы ни предпринял дом маркиза, они всё равно останутся костью в горле у нового императора. А значит — нужно действовать первыми.

Сейчас у маркиза есть армия, есть законный принц, есть шанс на победу. Если ждать, пока новый император укрепится на троне и потихоньку обескровит их дом, они станут легкой добычей.

Он думал не только о своей семье, но и о Гу Чжао. Кто бы ни стоял за его убийством в прошлом, этот человек не остановится. Гу Чжао, как сын императрицы, всегда будет иметь поддержку старой гвардии. Его аура, его происхождение — это угроза для любого узурпатора. Сражение неизбежно.

Цунцзинь хотел, чтобы Гу Чжао победил. Чтобы он жил. Но холодный рассудок шептал, что наспех собранные сторонники не выстоят против тех, кто годами готовил заговор.

В прошлой жизни он не увидел финала, но мог его предсказать: казнь, разорение, смерть.

Еще один камень лег на доску. Дракон вырвался из ловушки, чтобы поглотить врага.

Жун Цунцзинь поднялся, поправляя одежды. К берегу медленно причалила лодка. Вода отражала чистое небо, над озером стлалась легкая дымка. Еще не поздно. Всё еще можно исправить.

Би Тао с тяжелым плащом на руке поспешно поднялась в павильон. Она накинула мех на плечи господина и ловко завязала тесемки.

— Фу Тун совсем голову потеряла, не догадалась принести вам верхнюю одежду. Не ровен час, простудитесь! А ведь через три дня...

Би Тао внезапно осеклась, её щеки залил нежный румянец. Оглядевшись и убедившись, что их никто не слышит, она прошептала на ухо Цунцзиню:

— Молодой господин Юй приглашает вас на прогулку.

Цунцзинь на мгновение замер, а затем его брови сошлись у переносицы.

— Какое мне дело до него? Какая еще прогулка? — холодно бросил он.

Би Тао привыкла к сдержанности хозяина, но такая открытая неприязнь, почти отвращение, поразили её.

— Простите, господин... — пролепетала она в испуге. — Я, верно, сказала глупость.

— Ты ни в чем не виновата, — помолчав, смягчил он тон.

Би Тао можно было понять. Этот «молодой господин Юй» сейчас считался его официальным женихом. О нем говорили как о блестящем таланте, выходеце из почтенной семьи ученых, человеке кротком и благородном. Уже были присланы подарки, обговорены даты, даже тяжелые сундуки с приданым начали заполнять кладовые. Его мать уже вовсю готовилась к свадьбе, назначенной на время после праздника Дуанью.

Ближе мужа и жены людей не бывает — так считалось в обществе.

— Просто помолвка еще не подтверждена окончательно. Тайные встречи могут дать повод для грязных сплетен. Откажи ему.

— Слушаюсь, — Би Тао с облегчением вздохнула. Доводы господина показались ей разумными.

Цунцзинь же помрачнел, сжимая в руках чашку с чаем. Его брак с Юй Линси тогда казался делом решенным. И если бы не распутство самого Юя, он никогда бы не встретил Гу Чжао.

«Что ж, за это стоит поблагодарить господина Юя», — подумал он с горькой усмешкой.

Вспоминая прошлое, Цунцзинь подозвал Би Тао. Голос его был спокоен и безразличен:

— Передай ему так: я занемог. Весенний ветер коварен, я простудился и несколько дней не смогу выходить из дома. Поблагодари его за внимание.

В прошлой жизни он, движимый любопытством к человеку, с которым ему предстояло провести жизнь, согласился на ту встречу. Сад Цюнлинь был излюбленным местом знати, и случайная встреча там не вызвала бы подозрений.

Но он попал в ловушку. Этот Юй Линси жаждал близости, надеясь скомпрометировать его и заставить дом маркиза пойти на любые условия, лишь бы замять скандал. Цунцзинь тогда чудом избежал бесчестья, но слухи еще долго преследовали его в Ванцзине.

— Слушаюсь, — Би Тао поклонилась, но помедлила. — Господин, позвольте сказать...

— Говори.

Би Тао сделала шаг вперед, понизив голос. Она наполнила его чашку свежим чаем, аромат которого мгновенно заполнил комнату.

— Я знаю, вы не любите лишних разговоров. Но господин Юй — ваш будущий супруг. Когда вы покинете родительский дом, ваша жизнь будет полностью зависеть от него. Если между вами возникнет привязанность сейчас, в юности, это лишь укрепит ваш союз. Почему бы не ответить на его чувства?

— На его чувства? К нему?.. — Цунцзинь едва не расхохотался. Если бы он был прежним, он бы просто принял Юя как неизбежную деталь интерьера. Но теперь... Теперь, когда он познал вкус истинной, беззаветной преданности, как он мог смотреть на этого ничтожного человека?

Одна мысль о жизни с ним вызвала у него физическое отвращение, словно по коже ползали насекомые. А Би Тао всё еще рассуждала категориями «завоевания сердца мужа».

— Молодой господин Юй в столь юные годы уже стал «цзиньши», у него блестящее будущее, — Би Тао истолковала его молчание по-своему. Она знала, что её господин втайне превосходит многих ученых мужей, и, возможно, он просто завидует свободе Юя.

Цунцзинь улыбнулся, отпивая чай.

— Ты желаешь мне добра, я знаю. Не тревожься, у меня свои планы.

Он невольно сравнил Юй Линси с Гу Чжао. Один — яркий, искренний, чья улыбка могла разогнать любые тучи. А другой... Цунцзинь даже не мог вспомнить его лица. В памяти всплывал лишь образ напыщенного франта, каких сотни в чиновничьих семьях.

Луна в небесах и грязь под ногами. Вот и вся разница.

— Сегодня шестнадцатое число? — спросил он, меняя тему.

— Да, господин.

— День ясный, самое время для прогулки. Грех сидеть дома в такую погоду, — Цунцзинь улыбнулся. Свет ламп отразился в его глазах, бросая длинные тени от ресниц на бледную, как нефрит, кожу. Би Тао на миг замерла, пораженная его красотой.

— Вели закладывать экипаж. Мы едем в Даосский храм Юйцин.

— Сейчас?! — Би Тао была ошарашена.

Её господин всегда был домоседом. Даже самым близким друзьям приходилось присылать приглашения за месяц, чтобы выманить его из библиотеки.

— Да.

— Но госпожа только вчера там была... Может, лучше в наше загородное поместье? Там сейчас чудесно.

— Готовь повозку, — отрезал Цунцзинь с загадочной улыбкой. — Разве есть в мире место прекраснее Даосского храма Юйцин?